

doi:10.22363/2313-2337-2017-21-1-296-330

**ОБЗОР ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ЖИДКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2017»
(Москва, 24–25 марта 2017 г.)**

М.В. Немытина, Ц.Ц. Михеева, Е.А. Сорокина

Российский университет дружбы народов
Юридический институт
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

24–25 марта 2017 г. в Российском университете дружбы народов состоялась Всероссийская научная конференция «Тенденции развития права в социокультурном пространстве» (Жидковские чтения — 2017). Конференция проходит ежегодно в третьей декаде марта и посвящается памяти выдающегося ученого, внесшего весомый вклад в развитие историко-правовой науки, — Олегу Андреевичу Жидкову. Соорганизаторами конференции в 2017 г. выступили: Институт государства и права РАН, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Ассоциация юридических вузов России. Наряду с пленарным заседанием в ходе конференции работали четыре секционных площадки, состоялись два круглых стола и школа молодых ученых, в формате которых был обсужден широкий спектр правовых проблем методологического, теоретического и прикладного характера. В научных докладах и сообщениях участников конференции были высвечены тенденции развития права и правовой науки с позиций исторического развития, современного состояния и перспектив на будущее. В настоящем обзоре представлена общая концепция конференции, обобщены прозвучавшие в ней основные идеи, содержатся фрагменты выступлений участников, отражающие уровень осмысления научным юридическим сообществом темы, вынесенной в название конференции.

Ключевые слова: юридическая наука, тенденции развития права, социокультурное пространство, научное юридическое сообщество, теоретико-правовые исследования, историко-правовые исследования, прикладные исследования в области права, правовые реформы, революции, национальные правовые системы, транснационализация правового регулирования

24–25 марта 2017 г. в Российском университете дружбы народов (далее — РУДН) состоялась *Всероссийская научная конференция «Тенденции развития права в социокультурном пространстве» (Жидковские чтения — 2017)*. Конференция проходит ежегодно в третьей декаде марта и посвящается памяти выдающегося ученого, одного из основателей юридического факультета (сейчас института) РУДН, внесшего весомый вклад в развитие историко-правовой науки, — Олегу Андреевичу Жидкову. Соорганизаторами конференции в 2017 г. вы-

ступили: Институт государства и права РАН, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Ассоциация юридических вузов России. С докладами и научными сообщениями на конференции выступили 130 ученых, представлявшие 37 вузов и научных учреждений из 18-ти субъектов Российской Федерации, Белоруссии, Германии, Казахстана, Приднестровской Молдавской Республики, Украины. Состав участников конференции был весьма представительным. Достаточно отметить, что ходе конференции с научными докладами и сообщениями выступили 27 известных российских ученых, докторов юридических наук.

В первый день состоялось пленарное заседание, прошла работа четырех секций: «Теоретические и прикладные исследования права в социокультурном пространстве» (Секция I); «Построение социокультурного пространства в историко-правовых исследованиях» (Секция II); «Реформы и революции в контексте правовой культуры» (Секция III); «Национальные правовые системы в условиях транснационализации правового регулирования» (Секция IV).

Во второй день работа конференции проходила в рамках двух круглых столов: «Социокультурный подход в правоведении» и «Историко-правовые научные школы», а также ставшей уже традиционной школы молодых ученых для аспирантов и преподавателей.

Пленарное заседание конференции открыл директор юридического института РУДН, заведующий кафедрой административного и финансового права, д.ю.н., д.э.н., проф. *О.А. Ястребов*. В докладе «Социокультурный подход как элемент методологической основы института государственно-частного партнерства в России» он обратил внимание на значимость исследований права как социокультурного феномена, что в настоящее время является особенно актуальным, обусловленным происходящими в России и мире глобальными изменениями, опирающимися на определенную интерпретацию права и его роли в регулировании общественных отношений. Феномен социокультурного пространства, рассматриваемый в условиях как универсализации современного социума и происходящих в нем процессов, так и достаточного многообразия его локальных проявлений, несомненно, соотносится с методологией социокультурного подхода как одного из теоретически наиболее значимых подходов, в том числе и в административно-правовых исследованиях. Данный подход позволяет наиболее эффективно моделировать возможные варианты социокультурной динамики не только деятельности федеральных органов исполнительной власти и государственных служащих в РФ, но и функционирования институтов государственно-частного партнерства. В современных условиях государственное управление становится менее регламентированным и базируется как на вертикали власти, так и на горизонтальных связях между органами государственной власти, бизнесом, структурами гражданского общества. Применение социокультурного подхода формирует, в определенной степени, наиболее оптимальные направления горизонтальных связей, способы взаимодействия меж-

ду государством и бизнесом и в силу этого будет способствовать достижению поставленных субъектами государственно-частного партнерства целей за счет наиболее полного удовлетворения их интересов. Эффективность государственно-частного партнерства с точки зрения социокультурного подхода определяется степенью корреляции деятельности его субъектов ключевым ценностям государственного управления с естественным включением принципов самореализации потенциала бизнеса в системе целостной культуры управления устойчивым развитием как экономики России, так и ее социума. Была отмечена необходимость дальнейшего совершенствования методологических основ государственно-частного партнерства на основе гармоничного сочетания институционального и социокультурного подходов.

Определяя цель и задачи конференции, заведующая кафедрой истории права и государства юридического института РУДН, д.ю.н., проф. *М.В. Немытина*, в своем докладе «Цивилизационно-культурный вектор правового развития» отметила, что главным отличием «Жидковских чтений» от других собраний, объединяющих представителей научного юридического сообщества, является то обстоятельство, что они стали площадкой для обсуждения методологических проблем правоведения. Было бы наивным полагать, что рассмотрение заявленной в разные годы в названиях этой конференции тематики правовой культуры, правовых традиций, интересов в праве и многих других позволит решить проблемы такого уровня сложности, особенно в условиях методологического плюрализма современного правоведения. Вместе с тем системное и последовательное обращение к проблемам методологического характера в кругу профессионалов высокого уровня позволяет в ходе «Жидковских чтений» не только определить векторы развития юридической науки как области знаний, но и выявить тенденции развития общества, государства и права в разные периоды их существования и развития. Состояние современного научного знания, подходы к освоению социальной реальности, признанные научным сообществом пределы ее постижения таковы, что делают невозможным установление общих закономерностей развития права, общества и государства. В силу этого необходимым и достаточным является выявление с известной долей достоверности определенных тенденций, характерных для цивилизаций и лежащих в их основании культур. Право как явление цивилизации и культуры сосуществует и воспроизводится вместе с другими социальными феноменами, трудноотделимо от них. Юридическая жизнь общества, если ее рассматривать как правотворчество и правоприменение, правопостижение и правопользование, подвержена влиянию самых разнообразных факторов — экономических, политических, психологических, языковых и пр. Как было отмечено в докладе, целенаправляющие современные научные социокультурные (культурологические) и цивилизационно-культурные исследования, хотя и имеют много точек взаимопроникновения и «работают» на взаимообогащение, тем не менее являются разными векторами в

исследовании правовой материи, в постижении права в его прошлом, настоящем и будущем.

Заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, д.ю.н., проф. *А.А. Дорская* в научном докладе «Роль истории права в конструировании социокультурного пространства России» отметила, что категория «социокультурное пространство» появилась в XIX в. в рамках социологии. В юриспруденции данная категория стала развиваться благодаря представителям исторической и особенно психологической школы права. Важнейшими характеристиками социокультурного пространства являются социальное пространство и социальное время, причем начиная с работ М. Хальбвакса они стали рассматриваться как социальные конструкции. Размышляя о роли историко-правовой науки в конструировании социокультурного пространства, А.А. Дорская пришла к следующим выводам. Во-первых, «поглощение» Россией взаимного влияния Востока и Запада привело к тому, что история Российского государства демонстрирует преобладание восточных тенденций, а история российского права — западных. Во-вторых, представления о времени существенно отличались в разных частях страны, поэтому Россия в социокультурном смысле никогда не была локальной цивилизацией — хранительницей времени, а представляла собой региональную цивилизацию. В-третьих, конструирование социокультурного пространства позволяет иначе увидеть тенденции развития российского общества, государства и права, где до середины XVII в. господствовал квазициклический характер социального времени, линейно направленное историческое время проявилось с Соборного Уложения 1649 г., затем началось ускорение развития системы социальных процессов. Как было отмечено в докладе, изучение микроистории на правовом материале позволяет по-новому увидеть социокультурные процессы, переживаемые российским обществом. В настоящее время происходит преодоление того разрыва социокультурного пространства, который наблюдался в 1990-е гг. (создание ЕАЭС, новое осмысление советского опыта, изучение революционных событий 1917 г. и т.д.).

Профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, д.ю.н., заслуженный работник высшей школы РФ *Н.В. Михайлова* в своем докладе «Основные направления трансформации права и государства в годы Великой российской революции» акцентировала внимание на следующих тезисах. 1. События Великой российской революции, произошедшая трансформация права и государства, составляют значимое содержание социокультурного пространства этого периода в России. 2. Великая российская революция являет собой своеобразную точку бифуркации, в которой сконцентрированы кардинальные изменения российского права и государства. 3. Революция в России была вызвана необходимостью созидания цивилизации Нового времени (современной цивилизации) на основе качественных изменений в государстве, в его правовой системе, необходимостью разрушения

средневековых институтов права, власти и управления и создания правовой базы для достижения баланса между капиталистической и социалистической тенденциями современной цивилизации. 4. Россия, в отличие от государств Запада, имеет почти трехсотлетний опыт решения вышеуказанных задач в рамках реформ, которые имели определенные положительные результаты, но не позволили в полной мере приблизиться к их завершению. 5. Великая российская революция, по мнению докладчика, прошла в своем развитии три этапа: становление конституционной монархии (январь 1905 г. — февраль 1917 г.); формирование республиканской формы правления (февраль — октябрь 1917 г.); становление советской республики (октябрь 1917 г. — 1922 г.). На первом этапе революции была законодательно закреплена конституционная монархия в России на основе Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», Основных законов Российской империи 23 апреля 1906 г. и др. Половинчатость проведенных преобразований создали энергию развития революции на втором этапе, который вобрал в себя свержение самодержавия в России, провозглашение республиканского строя (1 сентября 1917 г.) и попытку изменений в правовой системе и органах власти и управления. Незавершенность в решении задач формирования республиканской формы правления стала причиной третьего этапа Российской революции, на котором происходило создание своеобразной правовой социалистической системы и формирование особых органов Советской власти и управления. В 1921 г. была предпринята удачная попытка правового регулирования соотношения капиталистической и социалистической тенденций современной цивилизации в рамках НЭПа.

В докладе главного научного сотрудника сектора сравнительного права Института государства и права РАН, д.ю.н., проф., заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста РФ *В.Е. Чиркина* «“Цветные революции” и “арабская весна” в конституционном измерении» были проанализированы революционные события 2003–2013 гг. в двух десятках стран постсоветского пространства и Арабского Востока, их характер и последствия для конституционного развития данных стран. «Цветные революции» начались в Грузии в 2003 г., когда люди, вышедшие на демонстрацию с цветками роз, добились мирного свержения президента и обновления состава парламента, выборы в который были фальсифицированы исполнительной властью. Цветок тюльпана использовался в качестве символа революционных по своей сути событий в Кыргызстане в 2005 и 2010 гг., жасмин — на первых стадиях протестов в Тунисе в декабре 2010 г., желтый цвет и апельсины стали символом протестов на Украине в 2004–2005 гг. В некоторых странах протесты были незначительны и длились лишь несколько часов (Джибути, Кувейт и др.); в других — пару дней (Грузия); в третьих — недели (Алжир, Тунис); в Египте — почти два года. Одни российские политологи считают, что эти движения в значительной степени были инспирированы извне, в то время как другие видят в них социально-экономические причины, рассматривают их как протестные формы против ав-

торитарных режимов, беспрецедентного обогащения правящих лиц и их семей. В целом результаты революционных движений привели к различным последствиям. В Джибути, Кувейте, Мавритании не изменилось ничего. В Алжире были обещаны поправки в конституцию (они приняты через пять лет, но не имели радикального характера). В Марокко монарх обещал новую демократическую конституцию, и за три месяца данное обещание было выполнено. В Саудовской Аравии король несколько изменил государственный бюджет и выделил средства на социальные нужды. Кроме Марокко еще в трех странах — в Кыргызстане (2010 г.), в Египте и Тунисе (2014 г.) приняты новые конституции. Вненесенные в конституции изменения касались прав человека, конституционных основ устройства общества и государства, создания новых консультативно-контрольных органов с представительством общественных объединений, включая оппозицию.

Заведующий кафедрой международного права РУДН, член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам человека, д.ю.н., проф. *А.Х. Абашидзе* в своем докладе «Учет международным правом социокультурных условий развития национального права», сделав исторический экскурс, обозначил социокультурные условия формирования воззрений философов и правоведов, что повлияло на эволюцию права в соответствующих эпохах, определило длительную перспективу развития юриспруденции. Был сделан акцент на сохраняющейся зависимости отечественного правоведения от евроцентристского подхода по многим ключевым аспектам развития государства и права. Докладчик призвал присутствующих обратить должное внимание в своих публикациях на вклад российского государства и права, отечественной правовой науки на становление соответствующих правовых институтов и концепций. Как один из учеников выдающегося отечественного правоведа, внесшего неоценимый вклад в развитие историко-правовой науки, проф. О.А. Жидкова, проф. *А.Х. Абашидзе* призвал сделать ежегодно проводимую научную конференцию «Жидковские чтения» международным научным форумом, превратить ее в мощный генератор научных идей в области права. «Жидковская историко-правовая школа», по мнению выступающего, могла бы стать определяющим фактором дальнейшего развития отечественной науки истории права и государства.

Директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, д.ю.н, проф., заслуженный юрист РФ *Р.А. Курбанов* в докладе «Формирование социокультурного пространства в XXI в.» остановился на актуальных вопросах формирования социокультурного пространства в евразийском регионе. Он подчеркнул, что современный мир характеризуется стремительно развивающимися интеграционными процессами и значительным скачком в развитии социокультурной сферы. В условиях перехода к мультиполярности особое значение стали приобретать региональные инте-

традиционные процессы. Региональная интеграция неизбежна, в современных условиях она становится неотъемлемой частью эволюции. По мнению докладчика, социокультурное пространство часто соотносят с двумя отдельными понятиями — «социальное пространство» и «культурное пространство». Однако культурное пространство является неотъемлемой частью социального, и сотрудничество в социокультурной сфере является одним из приоритетных направлений деятельности большинства международных региональных объединений, в том числе на евразийском пространстве. На данном этапе развития жизненно необходимы для всех стран евразийского региона выработка и проведение согласованной политики в социокультурной сфере. Изучение ретроспективного опыта, освоение наиболее успешных современных разработок в рассматриваемой сфере могут позволить в достаточно сжатые сроки создать на евразийском пространстве эффективные механизмы правовой гармонизации и модели социокультурного взаимодействия.

В докладе профессора кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, д.ю.н., почетного профессора МГЮА *Т.В. Кашаниной* «Эволюционные закономерности правового развития» был отмечен тот факт, что большинство ученых смешивают категории «закономерность» и «тенденции» или считают их синонимичными, в то время как закономерности — это существенные постоянно повторяющиеся связи явлений, характеризующие поступательное движение, а тенденции — это направления преимущественного движения, изменения явлений, которые относительно краткосрочны и могут быть повернуты вспять. Можно выявить ряд таких закономерностей. 1. Увеличение удельного веса (плотности) правового регулирования. Речь идет о количественном росте права, повышении удельного веса правового регулирования. 2. Расширение сферы правового регулирования, появление новых отраслей и подотраслей права. Здесь имеются в виду качественные изменения права. Это связано с развитием экономики, появлением новых видов деятельности, усложнением социальной структуры, а также расширением потребностей индивидов. 3. Усиление специализации права, т.е. более точного урегулирования разнообразных общественных отношений, с учетом их особенностей. 4. Повышение детализации законодательства, т.е. более подробное и тонкое урегулирование общественных отношений. 5. Ускорение динамики законодательства, т.е. скорости изменения нормативно-правового массива. 6. Возрастание степени абстрактности правовых норм. 7. Нарастание доли социальных интересов в правовом регулировании. 8. Разрастание массива регулятивных законодательных норм. 9. Повышение юридико-технической оснащенности права.

Профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, д.ю.н., заслуженный юрист РФ, *Н.А. Власенко* в научном докладе «Либеральное мышление, теория права и правопонимание» обратил внимание на одну из особенностей развития правовой науки в современный период, когда

господство либерального мышления породило обилие теорий правопонимания, их модификации, которых, по самым скромным подсчетам, около двух десятков, а также предложений по внедрению в юридическую науку новых методологий — около десяти, подающиеся новаторами как «единственно верные». По мнению докладчика, причиной сложившейся ситуации является господствующий либеральный тип мышления, уходящий своими истоками, как минимум, в XIX в. и обязанный своим происхождением французским и английским буржуазным революциям. Именно тогда идеи «свободы», «равенства» и др. приобрели определяющее значение. Между тем, что часто не учитывают современные исследователи, либеральное мышление не стояло на месте и развивалось вместе с обществом и европейской государственностью. На смену безраздельно господствующим принципам свободы мышления пришло более корректное либеральное мировоззрение, получившее название «неолиберализма». Обновленный тип либерализма ограничил себя такими ценностями, как государство, публичная власть, парламентаризм, а также христианскими ценностями. Как полагает докладчик, современная российская юридическая наука, по большому счету, пока находится на начальном этапе либерализма, который традиционно не обязывает ученых, и не только молодых, ценить устоявшиеся, проверенные временем знания в философии, методологии и теории права. Отсюда в юридической науке сложилась ситуация: «что хочу, то и пишу». Иными словами, ситуация — часто безответственная и не всегда корректная с точки зрения научной достоверности и гносеологической выдержанности.

Профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, д.ю.н. *Г.И. Муромцев*, начав свой доклад «Тенденции развития права в контексте истории» с истолкования названия темы конференции, отметил, что оно не вполне адекватно отражает характер обсуждаемых проблем. В названии он выделил три ключевых понятия: «право», «тенденции развития права» и «социокультурное пространство». Право, как и социокультурное пространство, есть категории исторические. К тому же право представляет собой важнейший элемент структуры самого социокультурного пространства. В ходе истории изменяются как эта структура, так и место в ней права. Уже одно это предопределяет подвижность соотношения права и социокультурного пространства. Понятие тенденции в словосочетании «тенденции развития права» также неоднозначно. Под тенденцией в энциклопедических изданиях обычно понимается направление, в котором идет развитие какого-либо явления. Тенденция есть нечто происходящее в наши дни, так сказать, «сиюминутно». Но когда речь идет о праве или социокультурном пространстве как исторических явлениях, то мы встаем перед необходимостью применения понятия «тенденции развития права» к прошлым историческим эпохам. И тогда возникает проблема его соотношения с понятием «исторические закономерности развития права». По мнению профессора *Г.И. Муромцева*, не в каждой исторической тенденции развития права проявляется та или иная правовая закономерность, но в известных ситуа-

циях применяемые к праву понятия «историческая тенденция» и «историческая закономерность» могут становиться синонимами. Таким образом, и здесь имеет место подвижное их соотношение. Выступающий остановился также на ряде весьма плохо изученных историко- и теоретико-правовой наукой исторических тенденций (закономерностей) развития права. Речь шла, в частности, о том, что всюду в мире архаическое право, возникая до появления государства, воспринимается поначалу как явление несотворимое и неизменное. В течение известного времени оно сохраняет эти качества и в условиях государственности. Отсюда — другая тенденция (она же закономерность правового развития), состоящая в том, что на известном этапе истории неизменное право, возникшее «само собой», вступает в противоречие с правом «государственным», которое создается людьми и изменяется вместе с изменением социокультурных условий. Каждую из этих подсистем права отличает специфика правопонимания, структуры, юридической техники, механизма действия. Формы разрешения коллизий между ними выступающий рассмотрел на примере римского и мусульманского права.

В секции «Теоретические и прикладные исследования права в социокультурном пространстве» с научными сообщениями выступило 12 человек, среди них было 5 докторов юридических наук и 6 кандидатов.

Профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, заслуженный юрист РФ, д.ю.н. *А.И. Экимов* посвятил свое выступление анализу категории «стабильность права». Он обратил внимание на своеобразие ее толкования в зависимости от того, что понимают под правом. Если право рассматривается как звено в «замысле» природы или Бога (С.С. Алексеев и др.), то в этом случае стабильность права рассматривается как неизменность его сущности, не знающая каких-либо циклов в своем развитии. Именно с таких позиций, например, в американской юридической науке излагается проблема стабильности права, выражающаяся в принципе его верховенства. Но, как известно, существуют и иные (позитивистские или близкие к позитивистским) трактовки права, когда его рассматривают в качестве совокупности (системы) юридических норм. При этом вовсе не обязательно, чтобы эти нормы каким-либо образом были официально оформлены. Главное, чтобы их регулирующее воздействие не оспаривалось государством. Соответственно, проблема стабильности права в таком аспекте касается лишь того, что именуется законом, системой социальных норм, поддерживаемых государством. В докладе подчеркивалось, что проблема стабильности права может быть адекватно исследована только с позиции его системного характера, то есть через такие его характеристики, как целостность и функциональность, существенные связи между его элементами и (или) их свойствами. Стабильность права предполагает, что, во-первых, оно должно адекватно воспринимать и распознавать внешнее воздействие экономических, политических, нравственных и иных факторов и формировать с помощью собственных специфических средств образ воздействующей на него внешней сре-

ды; во-вторых, обладать информацией о самом себе и своих свойствах, хранимых в виде образов норм и источников права, составляющих информационное описание системы права.

Выступление профессора кафедры философии Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, д.ю.н. *Н.Ф. Медушевской* было посвящено проблематике коммуникативного правопонимания в контексте постнеклассической рациональности. Подчеркивалось, что постнеклассическая рациональность понимает разум как смысл, выявляющий целеполагание и целесообразность, чего была лишена классическая научная рациональность, рассматривающая мир как объект, а человека как преобразователя. Научная рациональность не сводится к конструированию мира, не является средством его овладения, а становится способом смыслопроявления и смысловыделения. Постнеклассическая рациональность применительно к правовому познанию базируется на определенных принципах: 1) ориентация на субъект, его повседневно-жизненный мир, коммуникацию и взаимодействие; 2) междисциплинарность, использование понятийно-категориального инструментария как социально-гуманитарных, так и естественных наук; 3) неоднородность и неуниверсальность жизненных миров; 4) диалогизм; 5) плюрализм истин; 6) контекстуальность. Отмечалось, что сущность права нельзя сводить исключительно к его способности организовывать социальное пространство. Право выступает и как важнейшее средство коммуникации, становится способом цивилизационного общения коммуницирующих субъектов. В коммуникативном правопонимании акцент делается на следующих способах цивилизационно-правовой коммуникативности: а) онтологический аспект — правовая коммуникация как способ смысловой ориентации в правовой реальности; б) гносеологический аспект — коммуникация как ретранслятор историко-правового знания; в) эпистемологический аспект — коммуникация как способ реализации диалогизма в правовом познании; г) методологический аспект — коммуникация как способ передачи мировоззренческих и методологических принципов, регулятивов, идеалов и образцов правового знания; д) герменевтический аспект — коммуникация как очищение правовых смыслов; е) антропологический аспект — коммуникация как мера правового человека, нацеленного на консенсус, согласие, а не на противодействие; ж) праксиологический аспект — коммуникация как взаимодействие (а не насилие) и выявление целесообразности, поскольку правовой порядок невозможен без согласованных действий участников правовой коммуникации. Коммуникативное правопонимание, ядром которого выступает правовая коммуникация, выражает социокультурную природу права.

В сообщении заведующей кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, д.ю.н., профессора *М.Л. Давыдовой* было привлечено внимание к взаимосвязи теоретических и прикладных исследований права на примере локальных нормативных правовых актов. Указывалось, что данная проблема, с одной стороны, является традици-

онной: еще в советской научной литературе ей был посвящен ряд теоретико-правовых и отраслевых работ. С другой — произошедшие в постсоветский период изменения правового и социокультурного пространства привели к значительному расширению количества и сферы функционирования локальных актов, а заодно и к устареванию части теоретических представлений о них. Изменения в отечественной правовой системе произошли четверть века назад, в то же время до сих пор не сформировались научные взгляды на локальные нормативные правовые акты. Причина этого видится в разрыве между общей теорией права и отраслевыми юридическими науками. На сегодняшний день различное обоснование природы рассматриваемых актов возможно с позиции трудового, гражданского, корпоративного, муниципального, административного права. Разумеется, снять противоречия между отраслевыми трактовками способен взвешенный общетеоретический подход. Однако общая теория права часто использует данные отраслевых наук выборочно и несистемно. Так, совершенно не согласуется с общепринятыми представлениями о локальных актах как внутриорганизационных отождествление их с муниципальными, основанное на буквальном понимании термина «локальный» («местный»). Слишком узким является видение локальных (корпоративных) актов, вытекающее из понятия корпорации, закрепленного в гражданском кодексе, так как внутренние акты целого ряда организаций (государственных и муниципальных учреждений и предприятий, религиозных организаций и пр.) остаются при этом за рамками исследования. Цель теории права в том, чтобы находить общее там, где отраслевые юридические науки видят лишь собственную специфику. Для локальных нормативных правовых актов такими общими чертами являются источник их формирования и масштаб действия, которые ограничиваются пределами соответствующей организации (независимо от организационно-правовой формы последней). Подобный подход способен обеспечить преемственность в изучении локальных актов и охватить особенности их отраслевых конструкций.

Младший научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доцент кафедры истории государства и права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, к.ю.н. *А.М. Михайлов* в своем выступлении акцентировал внимание на понятии правовой культуры. По мнению выступающего, в состав правовой культуры включаются не все феномены правовой реальности, а лишь те, которые являются составной частью актуальной деятельности людей в правовой сфере. Именно поэтому правовые памятники навсегда ушедшей культуры, носители которой стали частью истории, не являются частью правовой культуры. Для принадлежности к правовой культуре идея, норма или отношение должны стать достоянием коллектива, интериоризироваться в групповом и/или общественном сознании. Поэтому все явления, включающиеся в состав правовой культуры, должны иметь минимальный уровень социальной легитимности (ценностной оправдан-

ности, значимости). Кроме того, правовая культура охватывает лишь те правовые явления, которые способны выполнять функцию воспроизводства и эволюционного развития правовой действительности. Правовая инновация, нацеленная на принципиальный слом предшествующей правовой традиции, на совершение правовой революции, не может являться частью правовой культуры, а правовые девиации, не носящие деструктивный характер по отношению к правовой системе общества как целостному образованию, включаются в состав правовой культуры. Отмечалось, что в составе правовой культуры следует выделять три плана — идеальный, нормативный и деятельностный. Идеальный план представлен правовыми идеями, ценностями, представлениями об идеале. Нормативный — общими правилами, организующими сознание субъектов правовой деятельности с целью воспроизводства правовой реальности. Деятельностный — стандартными поведенческими образцами в типовых правовых ситуациях. Подчеркивалось, что правовая культура характеризуется единым, органическим характером; культура как целое — значительно больше своих составных частей. Целостное содержание правовой культуры не поддается процедуре анализа и формализации.

Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, к.ю.н. *О.Н. Громова*, раскрывая проблемы участия федеральных органов исполнительной власти в законотворческом процессе, отметила, что в данном случае приходится говорить об участии в нем главным образом Правительства Российской Федерации. Именно роль высшего органа исполнительной власти в законотворческом процессе наиболее четко определяется законодательством, поскольку среди федеральных исполнительных органов только Правительство Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы. Иные федеральные органы исполнительной власти участвуют в федеральном законотворческом процессе лишь косвенно. Однако роль их чрезвычайно велика, в основном именно федеральные органы исполнительной власти обеспечивают осуществление законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации. Можно выделить следующие формы участия федеральных органов исполнительной власти в федеральном законотворческом процессе: 1) федеральные органы исполнительной власти представляют в Правительство РФ законопроекты; 2) федеральные органы исполнительной власти, ответственные за разработку законопроекта, осуществляют контроль за реализацией концепции и выполнением технического задания; 3) представители федерального органа исполнительной власти либо организации — головного исполнителя по законопроекту, иных заинтересованных федеральных органов исполнительной власти включаются в состав рабочих групп по подготовке законопроектов; 4) федеральные органы исполнительной власти осуществляют подготовку и внесение в Правительство РФ проектов нормативных правовых актов, необходимых для реализации федерального закона, проект которого внесен в Государственную Думу Правительством; 5) подготовка заключений, поправок и

официальных отзывов Правительства РФ на деле осуществляется федеральными министерствами и иными федеральными органами исполнительной власти; б) заместители руководителей федеральных органов исполнительной власти и другие должностные лица, ответственные за подготовку законопроектов, осуществляют деятельность по представлению в палатах Федерального Собрания Российской Федерации согласованной позиции Правительства Российской Федерации. Не отрицая значимой роли органов исполнительной власти в законотворческом процессе, О.Н. Громова отметила, что законотворчество является формой государственно-властной деятельности посредством выявления, формирования и утверждения воли народа в виде общеобязательных законодательных правил, поэтому именно законодательные (представительные) органы в первую очередь призваны осуществлять указанные полномочия. В сложившейся ситуации, когда большинство законопроектов исходит от высшего органа исполнительной власти, существует определенная опасность дискредитации законодательной власти и ее представительного характера.

В сообщении старшего преподавателя кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, к.ю.н. *А.С. Чувальниковой* была поставлена актуальная для современного социокультурного пространства права проблема поиска объективных начал в правовом регулировании общественных отношений. Было обращено внимание на возросший в современной юридической науке интерес к исследованию «логики права», «логики правового регулирования», «логики норм», «логики нормативных систем», где понятие «логики» отражает представление о существовании неких объективных закономерностей правового мышления, влияющих на процесс правового регулирования. Введение в научный оборот подобных понятий указывает на поиск современной юридической наукой оснований самовоспроизводства права как феномена человеческой культуры и явления цивилизационного порядка. По мнению выступающей, высокая динамика современного социокультурного пространства становится причиной возрастающего разрыва духовных, культурных, нравственных и социальных оснований права, «хранителем» которых является правовое сознание, с формами внешнего представления права, испытывающими в современных условиях сильное влияние политической идеологии. В результате логика правообразования все чаще заменяется стратегией правовой политики государства, в правовом регулировании усиливаются проявления субъективных волевых начал, приводящих к превращению права в инструмент искусственного конструирования социальной действительности. Кроме того, было высказано предположение, что за изменением логики правового регулирования стоит образовавшееся в современном социокультурном пространстве противоречие внутри волевого аспекта права, в котором логика правового сознания оформилась в качестве естественного проявления человеческой культуры в праве, сдерживающего проявления в нем внекультурных субъективных волевых начал.

Сообщение младшего научного сотрудника Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ *Д.В. Доровских* было посвящено общественному контролю как инструменту совершенствования эффективности государства. Если эффективность — это соотношение результата (эффекта) и затрат, то чем меньше затрат (будь то финансовые, временные или человеческие ресурсы) и лучше результат, тем более эффективной представляется та или иная деятельность. Данная формула эффективности справедлива для любого хозяйствующего субъекта, в том числе публично-правового образования. Следовательно, по мнению выступающего, эффективным будет являться то государство, которое при минимуме вмешательства и минимуме затрат достигает наилучшего полезного эффекта и для себя, и для общества, в котором оно функционирует. Слабую эффективность продемонстрировали страны социализма. Экономика существующих ныне социалистических стран находится не в лучшем состоянии, велики государственные расходы и взятые на себя функции, из-за чего приходится идти на непопулярные или не соответствующие официальной идеологии меры. Компромиссной представлялась так называемая «скандинавская модель», однако даже она в последние годы начинает стагнировать, из-за чего «государство всеобщего благосостояния» вынуждено сокращать свои расходы и вмешательство в экономику. Если говорить о действительно эффективных государствах, то их примеры наглядно демонстрируют 2 рейтинга — Индекс экономической свободы, а также Индекс развития человеческого потенциала. Места стран в них могут не совпадать, однако «пулы» лидеров в целом имеют очень сходный состав. В выступлении также была поставлена проблема общественного контроля: каким образом он может сделать государство более эффективным. В самых общих чертах общественный контроль — это функция гражданского общества, контроль граждан и негосударственных институтов, осуществляемый в отношении государственных и муниципальных структур. Были высказаны конкретные предложения относительно того, как общественный контроль может улучшить эффективность государства: 1) институты гражданского общества могут брать на себя функции государства, выполнять определенные задачи вместо органов государственной власти; 2) не подменяя государство, общественные структуры, могут оказывать ему помощь, например, в общественных антикоррупционных мероприятиях.

На секции «Построение социокультурного пространства в историко-правовых исследованиях» с научными сообщениями выступили 13 человек, среди которых было 5 докторов и 7 кандидатов наук.

Ведущий секции, заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, профессор кафедры истории права и государства РУДН, д.ю.н. *К.Е. Сигалов* обратившись к мировому опыту выделил шесть способов освоения пространства. 1. Античный, который предполагал «впитывание» чужого и аб-

сорбцию в своей среде. Римская цивилизация как вершина пирамиды античности представляла собой «плавильный котел» всех более ранних цивилизаций (за редким исключением это удалось) и создание уникальной синкретической культуры, главным бриллиантом которой стало римское право. Характерно появление талоссократии и теллурократии как основных факторов государственного устройства. 2. Западноевропейский средневековый, означавший до определенного времени освоение имеющегося пространства и ренессансный талоссократический прорыв в чужое пространство, становление колониальных империй, жесткое навязывание своей воли и своего права под различными идеологическими основаниями. 3. Русский средневековый, связанный с теллурократическим расширением за счет освоения пространств. Более и менее удачные попытки совместного проживания на этих пространствах с представителями различных правовых культур на разных условиях и в разной степени зависимости от власти метрополии. Право приносится в жертву администрированию. 4. Мусульманский, номадический, в котором существует деление на дар ал-ислам и дар ар-гарб — обитель мира и обитель войны. Предполагает жестокое подавление и уничтожение. В сформированных империях каждый знает свое место, у каждой конфессии, у каждой социальной или демографической группы имеется свое собственное юридически определенное пространство. 5. Восточный (Китай, Япония), предполагавший «мягкое» покорение мира, проникновение на все континенты «без завоевания», но с гигантским влиянием. 6. Современный мир как попытку мультикультурализма, как ответственность за колониализм, гигантские цивилизационные риски, сопряженные с потерей цивилизационной идентичности.

Ведущий научный сотрудник сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, заведующая кафедрой истории государства и права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д.ю.н., профессор *Л.Е. Лантеева* уделила внимание исторически сложившимся причинам перманентного кризиса права в России. Одной из аксиом права является принцип, согласно которому субъект права обязан уважать соответствующие права других лиц. Она задалась вопросом о том, не заключается ли причина низкого положения права в шкале ценностей российского общества в той печальной особенности отечественной истории, которая в той или иной форме воспроизводилась на самых разных ее этапах. Речь идет о сознательном превращении основной массы населения — крестьянства — в главный ресурс для сохранения целостности государства, укрепления и модернизации экономики. Фактом, не оспариваемым никем в исторической науке, является то, что скачок в развитии российской промышленности в конце XIX — начале XX в. стал возможным в результате ограбления крестьян в ходе реформы 1861 г., а затем и Столыпинской аграрной реформы. Не менее бесславной страницей нашей истории остается коллективизация, вследствие которой крестьян-

ство в течение десятилетий оставалось бесправным источником финансирования промышленного развития. Молчаливое согласие других слоев общества с принесением части населения в жертву стабильности, безопасности, модернизационному рывку не могло и не может проходить бесследно. Волей-неволей эти привилегированные слои заключали с властью негласный договор о невмешательстве, который, впрочем, не давал им никаких гарантий сохранения статуса. Подобные сюжеты повторяются. Достаточно вспомнить истории с монетизацией льгот, введением системы Платон, свертыванием сельского самоуправления. Все эти истории не слишком всколыхнули протесты в среде тех, кого непосредственно не коснулись. В итоге, заключила Л.Е. Лаптева, в нашем обществе формируется и воспроизводится привычка безразличного восприятия самого факта отчуждения от права части населения. Это приводит к апологетике «сверху» и признанию «снизу» любого существующего в России государства, а также к отрицанию не согласующихся с идеологией реалий.

Сообщение профессора кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, д.ю.н. *А.Е. Епифанова* было посвящено реабилитационной практике по делам осужденных за военные преступления в годы Великой отечественной войны. Предметом рассмотрения стали как дела изменивших Родине советских граждан, так и иностранцев из числа бывших военнопленных. Были проанализированы законодательство о реабилитации жертв политических репрессий и практика, имевшие место в 50-е, 90-е гг. XX в. и в настоящее время, обращено внимание на деятельность реабилитационных структур, главным образом Управления реабилитации Главной военной прокуратуры, а также военных судов, приведены статистические данные пересмотра дел изучаемой категории. Также было обращено внимание на новеллы российского уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за реабилитацию нацизма. Выступающий подчеркнул международно-правовой аспект исследуемой проблематики и привел сведения из российского и германского законодательства о материальных компенсациях для лиц, признанных жертвами политических репрессий.

Доцент кафедры истории права и государства РУДН, к.ю.н. *Е.Н. Трикоз* в своем научном сообщении отметила, что смешанные дуалистические юрисдикции в современном мире имеют свои ключевые правовые коды и доктринальные идеи. Для смешанных правовых систем характерно доминирование нормативного акта в системе источников права, наличие писанной конституции и кодифицированных актов, хотя судебная практика также имеет существенное значение. Структура права в смешанных системах, как правило, аналогична составу романо-германского права, его горизонтальному структурированию, генетические корни которого лежат в древнеримском делении на частное и публичное право. В таких системах права вертикальная композиция имеет отраслевой характер, а кодексы сориентированы на институциональную или пандектную модель построения. Было подчеркнуто, что с позиций преобладания в частном

праве той или иной национальной юридической субкультуры гибридные системы можно условно разделить на две группы: 1. французская группа (Квебек, Луизиана, Сейшелы, Сент-Люсия, Маврикий), которая отличается кодифицированной французской моделью и более устойчива к проникновению общего права; 2. голландская группа (Шри-Ланка, ЮАР и еще пять других стран Африки), которая характеризуется некодифицированным римско-голландским правом. По степени влияния английской или американской юридической системы страны со смешанной правовой культурой разделяются на две подгруппы: 1. частное право подвергалось влиянию английских трибуналов, вестминстерских статутов и британских правоведов (Квебек, Израиль, ЮАР); 2. частное право испытало сильное влияние американской судебной практики и модельных законов (Луизиана, Филиппины, Пуэрто-Рико). Право стран Северной Европы (Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция) также относится к гибриднему типу смешанной правовой системы. Генетическая основа в виде старогерманского права и отсутствия рецепции римского права объясняет нетипичность подхода скандинавов к кодификации права, англосаксонское неприятие кодексов как актов, «консервирующих» развитие отраслей права. Юристы этих стран отвергают как немецкую, так и французскую модели кодификации частного права, объясняя свое отношение тем, что европейские кодексы содержат большое число отвлеченных понятий и абстрактных дефиниций, чуждых традиционному функциональному подходу скандинавских юристов.

Проблематика смешанных правовых систем была продолжена сообщением преподавателя кафедры истории права и государства РУДН, к.ю.н. *А.А. Графшонкиной*, посвященному правовой системе Шотландии, сохранившей свою уникальность, самобытность, традиции и одновременно «вобравшей в себя» элементы общего и континентального права. Сформировавшаяся под влиянием древнего ирландского права, она подверглась «норманизации» в вопросах земельных отношений, включила в себя прецедентную систему по примеру Англии, в период союза с Францией вобрала в себя черты континентального права, а позднее посредством трудов институциональных писателей и опиравшихся на их труды судей впитала элементы континентального права, в ходе церковной реформации заимствовала идеи протестантизма. Институциональные писатели внесли в правовую систему Шотландии свое видение континентального права, а судьи, опиравшиеся на труды этих писателей, внедрили идеи и принципы континентального права в систему прецедентного права. Все это служит подтверждением существования в Шотландии смешанной правовой системы.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, к. пед. наук *В.П. Пономарева* в своем сообщении остановилась на проблеме изучения феномена Харбинской школы права, сложившейся на базе русского юридического факультета в Северной Маньчжурии в 20–30-е гг. прошлого века. Используя опыт схолярного анализа (описание процесса становления и развития, выявление факторов

причинно-следственного характера, определявших изучаемый процесс, показ места и роли в общем движении научного познания, в жизни общества), с учетом его противоречивости и неоднозначности, можно выявить специфику категориального строя (употребление понятия «школа», «течение», «направление» и т.д.) и определить качественные школообразующие признаки. В качестве ведущих критериев можно назвать наличие научного лидера, способного генерировать инновационное знание, и учебное заведение, в котором происходит переход нового знания к ученикам. Качественными признаками могут считаться: систематическое издание научных трудов, проведение конференций, защита диссертаций. Все это позволит определить не только место и роль феномена Харбинской школы права в российском правовом наследии, но и применить эти критерии к изучению других школ в юридической науке, расширить наши представления о научных школах вообще и критериях правовых школ в частности.

Проблеме генезиса юридической процедуры было посвящено сообщение доцента кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, к.ю.н. *М.С. Смольянова*. Как отметил выступающий, юридическая процедура является разновидностью социальной процедуры, включающей в себя совокупность различных видов процедур (обряд, церемониал, ритуал), которые появились в глубокой древности на этапе возникновения человечества. С момента своего зарождения социальная процедура используется как целесообразное средство, во-первых, для достижения желаемого (необходимого) результата и, во-вторых, для преодоления человеческих ошибок и произвола в его достижении. В этой связи основной социальной ценностью процедуры является ее способность гарантировать желаемый результат — посредством преодоления последствий, вызванных человеческими ошибками и умышленными произвольными действиями. Одним из итогов поступательного развития процедурного регулирования стало появление юридической процедуры, которая позиционируется в качестве наиболее совершенной. Было обращено внимание на то обстоятельство, что общие черты и сферы реализации юридической процедуры начинают вырисовываться в период Античности, получив свое закрепление на уровне обычного права в качестве юридической формы судебной и законодательной деятельности. Становясь все более самостоятельной, юридическая процедура не утрачивает качеств, выработанных положительным опытом использования ранее возникших процедур, выступающих в роли прообраза и источника. Последующий исторический опыт процедурного регулирования публично-властной деятельности позволяет рассматривать юридическую процедуру как инструмент для преодоления произвола со стороны публично-властных субъектов, тем самым гарантирующий права человека.

Сообщение партнера-руководителя юридической практики ООО «Юридическая компания» *П.Б. Солянка* касалось отражения традиций и новаций поре-

форменного правосудия в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX в. Было отмечено, что для формирования правильного представления о том, как предпринимаемые с целью оптимизации деятельности судов меры в действительности влияют на практику осуществления правосудия, желательно обращаться к политико-правовым текстам. Значимостью обычного права, а также сохранением в обыденном правосознании представлений о генетической связи права с моралью объясняется двойственность представлений о назначении суда в политико-правовой мысли рассматриваемого периода. Суд, с одной стороны, признается субъектом отправления правосудия, как того требует закон, с другой — арбитром, обеспечивающим воплощение в повседневной социальной практике нравственно-правовых идеалов, и прежде всего — справедливости. На основании анализа отечественной политико-правовой мысли в период после реформы 1864 г. выступающий сделал вывод о том, что в своеобразном противоборстве новаций и традиций побеждают последние. И это заставляет задуматься о том, что изменение законов, регламентирующих организацию деятельности судов и судопроизводство в духе их усовершенствования, не может рассматриваться в качестве надежного или единственно возможного средства повышения эффективности функционирования правосудной системы.

Начальник кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, д.ю.н., профессор *Н.С. Нижник* в своем выступлении разоблачила бытующие в науке мифы о «полицейском государстве», раскрыла реальный смысл этого сложного феномена, указала на положительную роль и значимость полицейского государства для поддержания правопорядка и защиты прав и свобод человека и гражданина, его связь с гражданским обществом.

Доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала НИУ «Высшая школа экономики», к.ю.н., доцент *Е.С. Третьякова* обратила внимание на доктринальный характер и различную направленность в воззрениях на соотношение национального и международного права в XIX — начале XX в., связав теорию вопроса с реалиями исторических событий, подчеркнула, что основные параметры сложившейся парадигмы продолжают действовать и в начале XXI в.

Доцент кафедры прав человека Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), к.ю.н. *С.А. Денисов* предложил отличающуюся оригинальностью концепцию «догоняющего развития» применительно целой группе стран как «постсоветского пространства», так и «дальнего зарубежья», привел интересные примеры и весьма весомые доводы в обоснование данной концепции, обосновал доктринальную значимость самого термина «догоняющее развитие» и его значение для теории и истории права и государства.

Доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, к.ю.н. *И.Н. Ившина* выступила с интересным, вызвавшим серьезную дискуссию

сообщением о феноменах «федерации без федерализма» и «федерализма без федерации».

В выступлениях участников были освещены различные аспекты построения социокультурного пространства в «русском зарубежье». Так, *Я.Л. Салогуб*, к.и.н., доцент, затронула правовые аспекты сложной и малоисследованной проблемы отечественной истории, рассмотрев параметры формирования социокультурного пространства территории полосы отчуждения КВЖД (1896–1917 гг.), с привлечением неизвестных ранее материалов и фактов.

В секционном заседании «Реформы и революции в контексте правовой культуры» с научными сообщениями выступили 17 человек, среди которых были 3 доктора и 11 кандидатов наук.

Научное сообщение профессора кафедры теории и истории права НИУ «Высшая школа экономики», к.и.н., д.ю.н. *А.С. Тумановой* было посвящено проблеме становления гражданского общества в Российской империи в контексте правовых реформ. Опираясь на понятие гражданского общества, введенное немецким философом Ю. Хабермасом, его трактовки гражданского общества как общественной сферы, занимающей промежуточное место между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация, в качестве ключевого института гражданского общества *А.С. Туманова* назвала добровольные ассоциации, находящиеся вне государства и экономики и предоставляющие гражданам возможность управлять самостоятельно. В широком плане под гражданским обществом следует понимать социальный организм Нового и Новейшего времени, разграниченный с государством и взаимодействующий с ним в рамках права и общественного мнения. В выступлении были затронуты существующие в современных общественных науках дискуссии по поводу соотношения гражданского и политического обществ, а также обществ гражданского и сословного. Было отмечено, что сословное общество исторически предшествовало гражданскому, гражданское общество формировалось из сословного, с опорой на институты и акторы сословного общества, в частности на дворянство. Исторически первые формы гражданского общества (английские клубы, Вольное экономическое общество, иные организации) носили элитарный дворянский характер, и лишь в середине XIX в. в институтах гражданского общества стала активно участвовать разночинная интеллигенция. Было обращено внимание на существование гражданского общества в дореволюционной России, охарактеризованы основные стадии формирования гражданского общества в Российской империи, отмечено, что данный процесс был одним из ключевых для российских реформ Нового времени. Динамика реформаторского процесса в имперской России была представлена в виде спирали, на каждом новом витке которой происходило определенное продвижение страны к гражданскому обществу. Так, судебные уставы сформулировали правовые принципы гражданского общества, такие как равенство населения перед законом, юридическая неприкос-

новенность, гласность и др., а пореформенные выборные органы местного самоуправления явились местными ячейками гражданского общества в России.

В выступлении ведущего научного сотрудника сектора теории права и государства Института государства и права РАН, к.ю.н., доцента *М.А. Сунатаева* было раскрыто общее содержание формирующейся отечественной цивилизационной теории, ее эвристическое и методологическое значение для развития правоведения. Было дано понятие культуры как основания цивилизации, выражающей качественное своеобразие общества и заключающее в себе высшие духовные смыслы и конечные ценности, которые цивилизация порождает, развивает и реализует во всех своих компонентах, подсистемах, включая право и его основные институты. Цивилизационная теория фиксирует, что смысловым ядром всякой цивилизации выступают формы универсального. Цивилизация предстает как устойчивая культурно-историческая общность, формируемая на основе универсальных ценностей, получающих выражение в мировых религиях, системах морали, права, философии, искусства и т.д. По мнению выступающего, только на этой основе понимания цивилизации, разделяемой многими исследователями, противостоящей универсалистской и однолинейной парадигме и развивающей альтернативную парадигму объяснения истории, отнюдь не претендующей на методологический монизм, оказалось возможным выявить не только историческое и перспективное своеобразие правовых систем в современном мире, но и существенные источники их самостоятельности и потенции эндогенного развития, несводимого к имитации западной модели. В свете указанного понимания проблемы мировая цивилизация — это всего лишь тонкая амальгама на поверхности локальных цивилизаций и культур. И чем на более подробный уровень мы спускаемся, тем более ощутимыми становятся структурные отличия в обществе и праве, в подходах к пониманию самого права. При таком подходе право можно оценивать как право постольку, поскольку оно соответствует культуре и удовлетворяет культурным потребностям общества с учетом дифференциации самой культуры на цивилизации, национальные и этнические культуры. Как было отмечено в завершение выступления, возникают немалые трудности при использовании цивилизационного подхода для собственно теоретических построений в правоведении. Но множество работ, относящихся к проблематике локальных цивилизаций, позволяет говорить о сформированности некоторых основополагающих характеристик складывающейся теории цивилизаций, делающих возможным рассмотрение права в цивилизационной парадигме.

В сообщении доцента кафедры истории права и государства Юридического института РУДН, к.ю.н. *М.В. Федорова* обосновывался тезис о тесной взаимосвязи социальной революции и конституционализма. Конституционализм как доктринальное учение и политико-правовая категория начинает складываться в период первых революций, когда происходит становление буржуазного государства, возникают представления, теории, доктрины о конституции, утвер-

ждаются конституции в современном понимании этого термина. Связь политико-правовых категорий «основной закон» и «общественный договор» сыграла заметную политико-правовую роль в становлении английского конституционализма в период английской буржуазной революции XVII в. Сам термин «конституционализм» непосредственно связан с американской революцией, когда шла борьба за становление единого американского государства и принятие конституции. Он являлся неразрывным и прямо производным понятием от конституции государства и служит, в основном, для обозначения американской доктрины верховенства писаной конституции над другими законами. Конституционализм, являясь феноменом правовой культуры именно западного общества, зародился как особый тип правового сознания. Все последующие социальные революции XIX и XX вв. приводили к радикальным изменениям в обществе и стремились к легализации своих результатов, важнейшей формой которой являлось принятие конституции.

Доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института Балтийского федерального университета им. И. Канта, д.ю.н. *С.В. Лонская* свое сообщение посвятила исторической динамике судебного пространства в социокультурном измерении. Судебное пространство как поле взаимодействия субъектов по поводу разрешения конфликтов — часть социокультурного пространства. Разнообразные области этого поля (коммуникативное, нормативное, ментальное и др.) могут быть познаны через такой аналитический инструмент, как теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза. Именно интерактивные ритуалы формируют, структурируют само социальное пространство. Динамика интерактивных ритуалов определяется, по Коллинзу, пространством, временем и количеством интеракций. Пространство, таким образом, и формируется деятельностью субъектов, и влияет на эту деятельность. Остаются малоизученными характеристики пространства как физической реальности, преобразованной, «окультуренной» человеком, в рамках которой разворачивается взаимодействие субъектов по поводу разрешения конфликтов. Так, например, развитие судебной архитектуры (мест разрешения судебных конфликтов), способов обмена информацией (символический, устный, письменный, рукописный, печатный, цифровой и т.д.), самой символики и ритуалов, сопровождающих судебную деятельность, выступают тем социокультурным измерением, в котором проявляется историческая динамика судебного пространства.

В выступлении ведущего научного сотрудника сектора истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, профессора факультета права НИУ «Высшая школа экономики», к.ю.н. *Н.Н. Ефремовой* было обращено внимание на роль социокультурного фактора в развитии отечественной юстиции в период становления и развития имперской формы российского государства. Процесс империостроительства в России сопровождался усилением мультикультуралистских тенденций в различных сферах общественной и государственной жизни. Он определял, в частности, и партикуля-

ризм судебной организации. Влияние социокультурного фактора являлось одновременно и тормозом, и катализатором прогресса в развитии последней. Правительство в ходе проводимых реформ было вынуждено учитывать и сочетать сложившиеся традиции юридического быта народов России с потребностями обновления суда. В рассматриваемый период было проведено несколько судебных преобразований, нацеленных на создание системы прогрессивных для своего времени универсальных общеимперских судебных органов, в деятельности которых предполагалось, в частности, гармонизировать удовлетворение интересов в правосудии личности, сословных корпораций и государства (судебная реформа Екатерины II), позднее и российских подданных на условиях формального равенства (судебная реформа Александра II). Вместе с тем эти задачи в то время предполагалось разрешать лишь в коренных регионах государства, которые, по мнению реформаторов, были готовы к такой универсальной организации суда. Однако присоединенные национально-окраинные территории и народы отличались социокультурными, религиозными, юридико-бытовыми и другими особенностями, в силу которых не были подготовлены к принятию новой модели унифицированного общеимперского суда. Поэтому там были сохранены различные, соответствующие условиям регионов, традиционные институты юстиции, обеспечивавшие доступность и понятность правосудия, а также соответствие интересам и потребностям местного населения. Для государства такая уступка в признании особенных судов и квазисудебных органов была вынужденной, но в то же время обеспечивавшей его целостность, в силу этого, соответственно, оправданной.

В выступлении к.ю.н., к.и.н., адвоката Межрегиональной коллегии адвокатов г. Москвы *Г.П. Шайряна* отмечалось, что социокультурный подход к исследованию российского государства от Древней Руси до создания Московского царства и позднее Российской империи позволил сделать вывод о том, что с конца IX в. до начала XX в. в России существовали лишь две формы государственного правления. До середины XVI в. — княжеское единоедержавие, с 16 января 1547 г. по 2 (15) марта 1917 г. — царское самодержавие. Их выбору, установлению и развитию способствовало 1) глубоко укоренившееся в сознании русского народа христианское учение о царской власти, которое стало мировоззренческой основой его монархического правосознания; 2) российская правовая традиция династического престолонаследия с ее принципом единоличного наследственного преемства верховной власти по нисходящей мужской линии по праву первородства; 3) исторически сложившееся княжеское, а позже царское право наследственного обладания вотчинными землями, превратившееся в право обладания государственной территорией Московского царства и Российской империи. Это право, положившее основание правовой природы царской власти российского монарха с ее юридической неограниченностью, царским верховенством и священностью, стало важнейшим условием для сохранения царского самодержавия в неизменном виде до 1917 г. Наблюдавшееся

в этот период времени изменения касались не формы правления, а политического режима.

Доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России, к.ю.н. *К.В. Карпенко* открыл блок проблематики революции в контексте правовой культуры. Создание Государственной Думы и преобразование Государственного Совета в 1905–1906 гг. отмечает начало нового этапа в конституционной истории России. Впервые с эпохи Земских Соборов Московского государства в нашем Отечестве появились учреждения народного представительства. Выступающий отметил, что он разделяет позицию ученых, согласно которой собственно конституционная история России начинается тогда, когда элементы демократического правления постепенно вводятся в механизм государственной власти. Однако судьба первого русского парламента оказалась недолгой и трагической. Отрицательное отношение к нему императора создало досадное и чреватое последствиями противостояние Верховной и законодательной властей, а отречение монарха и вовсе фактически прекратило работу парламента. Озабоченное укреплением собственной легитимности, Временное правительство постановило созвать Учредительное Собрание, которое должно было определить тип будущей Верховной власти в России. Однако легитимность не совпадает с легальностью. Если первое понятие подразумевает поддержку населения, то второе означает соответствие нормам права. Было отмечено, что выявление легитимности интересует в большей степени политологическую науку, юридический же анализ следует по возможности ограничивать установлением законности новоявленных учреждений. Основным тезис выступления заключался в утверждении, что с конца февраля и до конца октября 1917 г. единственным легальным (законным) органом власти в России было Временное правительство. В выступлении были выявлены формальные основания, делающие такой переход легальным (законным), обоснованы формальные основания законности деятельности Временного комитета членов ГД в связи с отрешением императора Николая II от престола.

Сообщение доцента кафедры истории права и государства Юридического института РУДН, к.ю.н. *Ц.Ц. Михеевой* было посвящено вопросам обустройства местного управления Временным правительством с марта по октябрь 1917 г. После событий конца февраля — начала марта 1917 г. Временное правительство, поначалу не занимавшееся этими вопросами, было вынуждено оперативно создать свой управленческий аппарат. Связано это было с тем, что на местах стали проводить выборы в общественные исполнительные органы, объявлявшие себя губернскими органами власти (например, Нижегородский городской общественный комитет с исполнительным комитетом, Томский Временный комитет общественного порядка и безопасности). Временным правительством 4–5 марта губернаторы и вице-губернаторы были отстранены от должности, а их полномочия по управлению губерниями были переданы председателям губернских земских управ, получившим звание губернских комиссаров Времен-

ного правительства. Главами уездов становились председатели уездных управ. В регионах, где земская реформа не была проведена, губернские комиссары избирались на местах или назначались Временным правительством. Анализ разработанных Юридическим и Особым по местным делам совещаниями и принятым Временным правительством законов, регулирующих деятельность губернских и уездных органов и координирующих взаимоотношения между ними, позволяет сделать вывод, что права и обязанности земских и уездных учреждений существенно расширились, они получили, наконец, реальную политическую силу на местах. Однако с нарастанием революционной ситуации происходило постоянное усиление власти губернских комиссаров на местах. С сентября 1917 г. они уже назначались и увольнялись Министром внутренних дел и становились полновластными руководителями подчиненных им территорий, их позиции были значительно усилены по отношению ко всем учреждениям, в том числе и ведомственным, их полномочия стали аналогичны полномочиям губернаторов в дореволюционный период.

В научном сообщении доцента кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, к.и.н. *Р.Т. Москвиной* был дан анализ влияния советских реформаторов в лице Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева на содержание, форму реализации и результаты осуществляемых ими преобразований. В содержании правовой культуры советского общества были обозначены рациональная и эмоциональная составляющие, при доминировании последней, а также особенности правовых традиций, правового поведения, такого фактора, как персоналистский характер власти. Было выявлено соотношение таких понятий, как право и произвол властной элиты как основной метод правления и осуществления реформ, законность, справедливость, с одной стороны, и социалистическая законность, закон как политический инструмент советского режима — с другой. Было выявлено общее и особенное в целях, содержании и результатах реформ Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева, сопоставлены методы осуществления реформ (кризисный прагматизм, социальные мобилизации и т.д.). Среди реформ Р.Т. Москвина особо отметила те, что обеспечили трансформацию политического режима и институционального блока политической системы. В этом плане следует отдать должное предпринятым Н.С. Хрущевым мерам по восстановлению законности (справедливости) и декриминализации всех сторон общественной жизни. В выступлении была отмечена ментальность советских реформаторов, их приверженность базисным ценностям социализма, а именно: государственной собственности на средства производства, директивному планированию как единственному регулятору экономической жизни и монополии одной партии на власть, что стало одной из причин поражения реформ Н.С. Хрущева и М.С. Горбачева.

Аспирант кафедры истории права и государства Юридического института РУДН *А.М. Бакирова* (Казахстан) в своем сообщении о совместимости мусульманской правовой культуры и казахстанской правовой системы

отметила, что правовая культура кочевников складывалась в Казахстане под воздействием разных факторов. Роль ислама в развитии правовой культуры Казахстана имеет немаловажное значение. Мусульманское вероучение в кочевой цивилизации получает своеобразное развитие, будучи внедренным насильственным образом, оно постепенно вписалось в традиционную правовую систему кочевников. Советский период ознаменовывается тем, что на смену традиционному укладу приходит новая идеология, которая отказывается от прошлых норм как обычного, так и мусульманского права. После распада СССР в Казахстане наступает идеологический и духовный кризис. На смену возникшей идеологической пустоты приходит новая национальная идеология. Перед молодым государством стоит судьбоносная задача сохранить свое национальное лицо и государственную самостоятельность, чтобы противостоять влиянию транснациональных корпоративных сил и ведущих мировых держав. И здесь помогает возврат к накопленным веками правовым ценностям, истокам отечественной истории. Казахстанская модель государства строится на культурно-исторических основаниях, в ней присутствует самобытный цивилизационно-культурный код. Введение норм, регулирующих деятельность исламского банка, в Закон Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. «О банках и банковской деятельности», стало доказательством того, что нормы мусульманского толка вошли в действующую нормативную правовую базу страны. Готовность государства воплотить в жизнь исламские религиозные нормы социально оправданна и содействует совершенствованию действующего права в Казахстане.

В секции «Национальные правовые системы в условиях транснационализации правового регулирования» выступило 13 человек, из них 2 доктора и 10 кандидатов наук.

Заведующая сектором сравнительного права, д.ю.н., доцент *Т.А. Васильева* в своем выступлении уделила внимание эволюции подходов Суда ЕС к вопросам, связанным с взаимодействием права ЕС и национального конституционного права государств — членов Союза. Изначально Суд исходил из того, что положения права ЕС не могут быть отменены нормами национального права, и вступление соответствующих положений в противоречие с закрепленными в конституции основными правами или с национальной конституционной структурой не может влиять на действительность предпринятых ЕС мер либо на их осуществление в государстве — члене Союза. Однако впоследствии он стал применять в своей практике предусмотренную учредительными актами ЕС концепцию национальной идентичности, допускающую наличие у государств таких конституционных особенностей, которые отличают их от других государств — членов Союза и при определенных обстоятельствах могут служить основанием для отступления от соблюдения принципа верховенства права ЕС в конкретных сферах отношений. В соответствии с учредительными актами ЕС национальная идентичность присуща основополагающим политическим и конституционным структурам государств-членов, включая региональное и местное

самоуправление. Как сердцевина национального конституционного права она не может нарушаться правом ЕС. Сохранение национальной идентичности рассматривается как легитимная цель в рамках европейского правопорядка, однако это не предполагает обязательство Союза считаться со всеми национальными конституционными нормами. Благодаря разработке концепции национальной идентичности конституционно-правовая специфика государств-членов была интегрирована в право ЕС.

Ведущий научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, д.ю.н. *Н.С. Крылова* в сообщении, посвященном проблемам транснационализации и конституционализации финансового регулирования, отметила, что транснационализация рассматривается как сложный процесс взаимодействия государств, взаимопроникновения национальных и наднациональных конституционно-правовых систем. В сфере финансового регулирования выявляется тенденция к конституционализации финансовых отношений и деятельности государства по сбору, использованию и распределению средств государственного бюджета. Главная цель конституционализации — ограничить деятельность государства в финансово-бюджетной сфере рамками конституции, обеспечить стабильность и эффективность финансовой системы в целом. Транснационализация финансового регулирования — универсальный процесс. Он происходит на национальном и наднациональном уровне. Наиболее заметно его влияние на механизм финансового регулирования в национальных конституционных системах стран — членов международных региональных объединений, прежде всего — Европейского Союза. *Н.С. Крылова* уделила внимание основным направлениям и формам, в которых проявляется влияние процессов транснационализации финансового регулирования на развитие национальных финансово-бюджетных систем. Это: 1) усиление влияния международных финансовых стандартов, принципов и правил поведения государств; 2) влияние транснационализации на структуру, компетенцию и функционирование национальных органов государственной власти и управления; 3) усиление роли органов конституционного правосудия и вырабатываемых ими правовых позиций в сфере финансового регулирования; 4) влияние конституционной доктрины.

Ведущий научный сотрудник сектора сравнительного права Института государства и права РАН, к.ю.н., доцент *Н.В. Варламова* отметила, что права человека — это та сфера, где интернационализация правового регулирования наиболее ярко выражена. С одной стороны, во много именно потребность в универсализации гарантий прав человека обусловила сам феномен интернационализации правового регулирования. С другой, — необходимость надлежащей защиты прав человека часто выдвигается в качестве основной причины отказа от следования решениям наднациональных органов публичной власти. Наконец, именно согласованные на различных уровнях регулирования стандарты в сфере обеспечения прав человека выступают основой формирования наднационального правопорядка в целом. В плане функционирования многоуровневой

системы защиты прав человека наиболее показательным является Европейский континент, где такая система впервые была сформирована и стала примером для других регионов, где эффективно функционируют три уровня данной системы — универсальный, имеющий своей основой правозащитные договоры ООН, наднациональный, представленный Европейским Союзом и Советом Европы, и национальный. В рамках каждого из этих уровней действуют юрисдикционные органы, обеспечивающие защиту прав человека. Наибольший интерес представляет взаимодействие национальных органов конституционного контроля, Суда ЕС и Европейского суда по правам человека. Все они принимают решения в отношении обеспечения единого каталога прав человека, которые имеют прямое действие в национальных правовых системах. Далее Н.В. Варламова рассмотрела различные правовые инструменты и доктрины, которые способствуют согласованному функционированию этих юрисдикций, такие как принцип субсидиарности наднациональной защиты прав человека; преюдициальные запросы национальных судебных органов в Суд ЕС по поводу толкования права ЕС (в отношении Европейского суда по правам человека аналогичная процедура предлагается Протоколом № 16 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод); доктрины «четвертой инстанции», «европейского консенсуса», «равноценной защиты», практика «пилотных постановлений», выработанные Европейским судом по правам человека и др. Н.В. Варламова подчеркнула, что несмотря на единую цель и общую направленность деятельности различных юрисдикционных органов в сфере защиты прав человека между ними (их решениями) не исключены конфликты (противоречия), которые должны разрешаться не через установление иерархии решений, а посредством выработки согласованных подходов к пониманию прав человека, способов и пределов их обеспечения.

В своем докладе «Методы теоретического правоведения в контексте транснационализации правового регулирования» доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург к.ю.н., *М.В. Антонов* обратил внимание на вызовы для юридической теории, которые связаны с проходящими в современном мире процессами глобализации и транснационализации. Анализируя историческую эволюцию государственности и суверенитета в западных обществах, докладчик показал, что развитие событий в XX в. стало способствовать расшатыванию веры в господство безусловного абсолютного правового суверенитета. В этой связи получали осмысление новые формы международного и наднационального права. Этим процессам сопутствовали процессы транснационализации бизнеса, культуры и других сфер общественной жизни — процессы, которые получили собирательное название «глобализация». Глобализация в том числе предполагала развитие внесударственных регулятивных механизмов, со своими форумами для создания и применения права, унификацию правового регулирования и организацию надгосударственных органов. Тема правового плюрализма и изменения

представлений о праве вследствие глобализации стала одной из центральных тем для исследований. Этанитарный позитивизм, в рамки которого подобные явления не укладывались и который не предоставлял никакого методологического инструментария для изучения и объяснения развития права в «эпоху глобализации», стал утрачивать свои позиции в теоретическом правоведении. Эти процессы, по мнению докладчика, затрагивают отечественное правоведение со значительным опозданием. Было выдвинуто утверждение, что современная российская теория пока не предложила методологических подходов, способных объяснить современные правовые реалии, и что качество и направленность дебатов в отечественном правоведении показывает относительную неготовность к обсуждению на уровне развития теоретической юриспруденции в мире.

В сообщении ведущего научного сотрудника сектора, к.ю.н., доцента *А.И. Черкасова* подчеркивалось, что процессы интернационализации муниципального управления достаточно активно развиваются именно в странах Европейского Союза, где образование нового властного уровня — общеевропейского — предоставляет местным сообществам дополнительные возможности маневра в рамках межправительственных отношений, включая защиту права на местное самоуправление и возможность отстаивания интересов местных сообществ. Взаимодействие общеевропейского и местного уровней власти во многом определяется процессом их «взаимной социализации». Происходит европеизация местного управления и «муниципализация» общеевропейского управления. Усиление общеевропейского регулирования отдельных аспектов деятельности местных и региональных властей побуждает последние к более активному участию в процессе разработки европейской политики, особенно тех ее аспектов, которые имеют местное и региональное измерение. Через свои ассоциации и доступные им сети коммуникации местные власти оказывают растущее влияние на европейскую повестку дня и процессу принятия решений, что, собственно, и определяет некоторую степень муниципализации политики ЕС. В современной Европе имеет место интерактивный процесс взаимозависимости различных уровней власти. Суть складывающегося многоуровневого правления заключается во взаимодействии общеевропейского, национального и субнационального звеньев, которое, собственно, и определяет новую форму европейской политики. Многоуровневое правление рассматривается не только как трансформация европейских и национальных задач в конкретные действия на местном и региональном уровнях, но и как процесс интегрирования задач региональных и местных властей в стратегию всего Европейского Союза.

Исполняющая обязанности заведующего сектором прав человека Института государства и права РАН, к.ю.н., доцент *Н.В. Колотова* в своем сообщении проследила изменение подходов к правам человека в советской правовой доктрине: от полного их неприятия как «буржуазных порождений» до обращения к теории правового государства и концепции естественных прав. Такая динамика свидетельствует о том, что трансформация моделей общественного развития в

истории всегда сопровождается изменениями представлений о правах человека. При этом различные составляющие концепции прав человека развивались неравномерно. Так, долгие годы считался бесспорным принцип государственного суверенитета и, соответственно, защита прав человека допускалась исключительно в рамках национальных механизмов. Сама постановка вопроса о приоритете международной системы защиты прав человека над национальным правом была некорректной, так как принятый в советском праве легистский подход связывал защиту прав человека только с деятельностью государства, от которого они и исходили. Эта точка зрения, доминировавшая вплоть до принятия Декларации РСФСР о правах и свободах человека и гражданина в 1991 г., контрастировала с развернувшейся в теории права дискуссией о правопонимании, различении права и закона, определении права как меры свободы и даже близости марксизма естественно-правовым учениям, их «общем идейном содержании». Но в отношении приоритета национальной защиты прав человека отечественная концепция прав человека настойчиво следовала традиционным пропагандистским штампам, к которым, как оказалось, совсем нетрудно вернуться вновь.

Доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права юридического факультета Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, к.ю.н. *М.Ю. Спирин* в своем выступлении обратил внимание на два принципиальных аспекта формирования и развития всякой национальной (территориально-государственной) правовой системы: воздействие норм глобальных правовых систем *sui iuris* и аддитивный характер такого перманентного воздействия. Было произведено различение источников и форм (формальных источников) важнейших систем *sui iuris* (обычного, римского, канонического и международного права) с позиции волевой концепции правообразования и правотворческой деятельности. Особое внимание выступающий обратил на значение терминов «аддитивность» и «аддиция» в аспекте постоянного, проникающего влияния источников правовых систем *sui iuris* на структурное построение и реальное функционирование национальной правовой системы (на примере российского права), определил принципиальное различие аддитивности источников *sui iuris* (как свойства постепенной, эволюционной добавляемости в структурные звенья внутреннего права и практику его реализации) и системности (как внутренней, так и внешней) национального права. Также была обозначена разница между аддитивным и мультипликативным подходами к формированию правовой системы. По результатам проведенного исследования выступающим был сделан вывод о праве как аддитивной системе нормативного регулирования, возникшей и существующей на основе комбинации национального (территориально-государственного), наднационального (трансграничного) и глобального (правовые системы *sui iuris*) права, а также действующих системных связей между этими элементами.

В своем докладе «Факторы, определяющие пределы правовой интеграции» к.ю.н., доцент кафедры теории права и государства юридического института

РУДН *Н.Г. Павлова* отметила, что глобализация как экономическая закономерность современного развития, как масштабный процесс нарастания общего в мировых экономических, политических, социальных системах, безусловно требует и «нивелировку» национальных правовых систем и правовой интеграции. Способов правовой интеграции мировая практика знает множество. Это и различного рода рецепции, вплоть до прямых компиляций законодательных актов; добровольные заимствования и юридическая экспансия; сближение национальных законодательств путем преодоления юридических коллизий; разработка модельных законодательных актов и, наконец, интернационализация права под воздействием международного права.

Однако исторический опыт свидетельствует, что границы правовой интеграции имеют пределы, за рамками которых она утрачивает свою разумность и необходимость. Пределы правовой интеграции определяются следующим: во-первых, национально-правовыми различиями, устойчивость которых не колеблется веками, несмотря на интеграцию и сближение (разность удельного веса источников права в национальном праве; специфичность системы национальных законодательств, где далеко не совпадает классификация отраслей, институтов, их соотношение; специфика понятий и терминов, нормативного языка и стиля и т.д.). Наибольший объем правовых различий связан с традициями и уровнем правовой культуры, своеобразием приемов юридической техники и построения правовых актов, влиянием юридических школ; во-вторых, курсом государств, направленного на гармонизацию и сближение национальных законодательств либо на закрытость, оберегая свою правовую идентичность.

25 марта 2017 г., во второй день работы конференции, состоялись круглые столы «Социокультурный подход в правоведении», «Историко-правовые научные школы», а также Школа молодых ученых.

На ставшем уже традиционным в рамках Жидковских чтений **круглом столе «Социокультурный подход в правоведении»**, который вел профессор кафедры теории права и государства Юридического института РУДН, д.ю.н. Г.И. Муромцев, с научными сообщениями выступило 9 человек.

Декан юридического факультета Сочинского института РУДН, к.ю.н., доцент *Ф.Г. Камкия* в выступлении в формате круглого стола, посвященном правовой системе Республики Абхазия, отметила, что в современном мире правовые системы, все больше усложняясь, теряют свой регулятивный потенциал с точки зрения согласования интересов и упорядочения общественных отношений. В ряде случаев сама правовая система может быть источником напряжения и конфликтов. Формирующемуся позитивному праву Абхазии не удастся избежать этой особенности, тогда как обычное право Абхазии, являясь одной из форм социальной самоорганизации, сохраняет свой регулятивный потенциал. Законодатель при принятии политических решений и нормативных правовых актов руководствуется, главным образом, принципом политической целесообразности, в силу этого снижается контроль общества над правовой системой,

возникает тенденция к использованию силовых методов управления. В слабых формах это проявляется в бюрократизации государства, в более сильно выраженных — в правовом и неправовом насилии. Применение силы, и тем более, насилия, — свидетельство неспособности общества выстроить внутренний диалог, тогда как право должно демонстрировать культуру диалога. Современная Республика Абхазия (Апсны) — это суверенное государство, добившееся фактической независимости. На этом пути Республика Абхазия, как и многие другие государства, решает сложные по характеру и значительные по объему задачи. От того, насколько полно и последовательно будут учтены объективные и субъективные условия, специфика геополитического расклада, влияние глобализации, социокультурные факторы, будет зависеть развитие ее правовой системы. Смогут ли демократия и современное право укорениться в Абхазии, зависит от способности общества создать свою форму демократии и собственное обоснование (понимание) права, отвечающие традициям, истории, культуре, так как в них сосредоточены принципы самоорганизации жизни социума, консенсусные модели взаимоотношения позитивного и обычного права,

Сообщение заместителя начальника Экспертно-правового управления Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, к.ю.н. *И.В. Чечельницкого* было посвящено справедливости и социальным правам человека в контексте социокультурного подхода. Было отмечено, что право, общество и культура во все времена неразрывно связаны. Природа права такова, что оно всегда выступает частью сложившейся в обществе культуры и нормативным регулятором существующих общественных отношений. Поэтому невозможно заниматься наукой права, правотворчеством или правореализацией вне рамок сложившегося в обществе социокультурного пространства. Право имеет аксиологическое значение только в том случае, если отражает сложившийся в обществе уровень нравственности и справедливости. Было отмечено, что отечественная юриспруденция постепенно переориентируется в русло понимания права в социокультурном контексте, причем это происходит не только в праве, но и в практике его создания и применения. Правовым выражением социальной справедливости выступают социальные права человека, закрепляющие основные принципы, гарантии и механизмы справедливого распределения в обществе материальных благ в сферах трудовых, медицинских, пенсионных, образовательных и других важнейших правоотношений. Ярким примером понимания и реализации права в социокультурном контексте с позиции социальной справедливости является деятельность института Уполномоченного по правам человека в РФ, который в своей работе опирается на результаты социологических исследований, руководствуется голосом совести и справедливости.

В круглом столе «Историко-правовые научные школы», инициированном профессорами и преподавателями кафедры истории права и государства РУДН, участвовало более 40 человек.

Участники круглого стола представили научные школы (направления) по истории права и государства Академии управления МВД России, Белорусского государственного университета (по конференцсвязи), Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Санкт-Петербургский государственный университет, Саратовскую государственную юридическую академию, Уральский государственный юридический университет и конечно же Юридический институт РУДН. В ходе круглого стола были обсуждены проблемы отечественной историко-правовой науки в ее прошлом, настоящем и будущем.

Ярким и запоминающимся стало выступление одного из ведущих российских ученых в области истории права и государства профессора, д.ю.н., Заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного работника МВД РФ *Р.С. Мулукаева*. Р.С. Мулукаев подготовил 98 кандидатов юридических наук и являлся научным консультантом у более чем 30-ти докторов юридических наук. С теплотой и сердечностью он вспомнил своих коллег и друзей, выдающихся ученых, внесших величайший вклад в историко-правовую науку — О.А. Жидкова, В.М. Курицына, О.И. Чистякова, советских ученых из союзных и автономных республик. В.С. Мулукаев с сожалением отметил, что современные ученые-юристы, вернувшись к методологии XIX в., незаслуженно забывают достижения советской юридической науки.

На также ставшей уже традиционной в рамках «Жидковских чтений» **Школе молодых ученых** выступили 13 аспирантов и преподавателей. Они имели возможность не только заявить о своих исследованиях, но и получить конкретные рекомендации по разработке заявленных тем.

Более подробно спектр мнений участников конференции «Жидковские чтения» 2017 г. будет отражен в сборнике научных статей по ее итогам.

Итогами работы конференции, по мнению ее организаторов, стали: определенное продвижение ее участников в освоении современной методологии правовых исследований, существующих в ней новых подходов и методов, в частности, связанных с освоением права в социокультурном и цивилизационном измерениях; обмен опытом организации и проведения исследований в области права, особенно в таких научных областях, как теория права и государства, история права и государства, сравнительное правоведение; необходимость формирования в рамках профессионального научного сообщества согласованных, взвешенных оценок, отражающих тенденции развития права и правовой науки на основе ретроспективного и перспективного анализа и обобщения событий и фактов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Немытина Марина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

e-mail: nemytina_mrvk@pfur.ru

Михеева Цыбик Цырендоржиевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

e-mail: mikheeva_tsts@rudn.university

Сорокина Елена Александровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов.

Контактная информация:

e-mail: sorokina_ela@rudn.university

**REVIEW OF THE ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE
“TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF LAW IN
SOCIOCULTURAL SPACE: ZHIDKOV READINGS — 2017”
(Moscow, 24–25 march, 2017)**

M.V. Nemytina, Ts.Ts. Mikheeva, E.A. Sorokina

On 24–25th of March 2017 the All-Russian Scientific-Practical Conference “Tendencies of development of law in sociocultural space: Zhidkov readings — 2017” took place in People’s Friendship University of Russia (RUDN University). The conference is traditionally devoted to the memory of the famous scientist, Professor O.A. Zhidkov. It was co-organized by Institute of State and Law of the of the Russian Academy of Sciences (RAS), Herzen State Pedagogical University of Russia, Association of Law Schools of Russia. The conference featured the plenary meeting, four panel sessions, two round tables and school of young scientists.

During the conference different aspects of legal issues were discussed, including its methodological, theoretical and application nature. In their reports, the participants, inter alia, devoted attention to discussion trends of the development of law and legal science from the perspective of historical development, the current and future prospects. Present review includes general conception of the conference, participants’ main ideas and fragments of their speeches mirrored to certain extent the level of comprehending the conference’ main problem by scientific society.

Key words: legal science; tendencies of law development; sociocultural space; scientific legal community; theoretical and legal research; historical and legal research; applied research in the field of law; legal reforms; revolutions; national legal systems; transnationalization of legal regulation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Nemytina Marina V. — Doctor of Legal Science, Professor, Head of Department of History of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia (RUDN University).

Contact information:

e-mail: nemytina_mrvk@pfur.ru

Mikheeva Tsybik Ts. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of History of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia (RUDN University)

Contact information:

e-mail: mikheeva_tsts@rudn.university

Sorokina Elena A. — Candidate of Legal Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory of Law and State, Institute of Law, People's Friendship University of Russia (RUDN University)

Contact information:

e-mail: sorokina_ela@rudn.university